

Монография У.-М. Кулонен "Пассив в обско-угорских языках", опубликованная как очередной том серии "Mémoires de la Société Finno-Ougrienne", посвящена дискуссионной и достаточно "модной" в финно-угроведении теме. Действительно, практически ни один серьезный исследователь обско-угорских языков (хантыйского и мансийского) не обошел так или иначе вниманием проблему обско-угорского пассива. Уже из первых публикаций по обско-угорским языкам стало более или менее очевидно, что пассивная конструкция является широко распространенной; ее частотность в текстах существенно превышает частотность аналогичных конструкций во многих других языках (согласно статистике, приводимой У.-М. Кулонен на с. 69—70, "индекс пассивизации" различен в разных обско-угорских диалектах и для текстов разных жанров, однако в некоторых случаях он может достигать 1/2, т.е. каждое второе предложение является пассивным по форме). Высокая частотность появления пассива, а также возможность пассивизации ряда интранзитивных глаголов приводила некоторых исследователей к выводу о том, что речь идет о своеобразном явлении, специфическом для данных языков. (Пожалуй, крайним выражением такого направления стали исследования Е.И. Ромбандеевой, согласно которой мансийский пассив на самом деле является разновидностью активного спряжения, маркирующей определенность агента, ср., впрочем, справедливую критику этой точки зрения в работах Л. Хонти и в рецензируемой монографии.) С другой стороны, появилась мысль о том, что обско-угорская пассивизация — более или менее регулярное преобразование, и связано оно с зависимостями коммуникативного и/или референциального характера. Понятно, однако, что любые спекуляции на данную тему не выглядят достаточно убедительными, пока остается неизвестным, какие именно глаголы способны подвергаться пассивизации и какие именно семантические роли способны выполнять актанты этих глаголов. Обобщавшего исследования по этому поводу до сих пор не было написано, поэтому монография У.-М. Кулонен восполняет существенный пробел в изучении синтаксиса обско-угорских языков и одновременно открывает перспективу для дальнейших исследований: в результате изучения семантической и синтаксической структур пассивных предложений, проведенного автором, появилась возможность соотнести их со структурой коммуникативной и в конечном счете

подойти к вопросу об организации связного текста.

Сознательно ограничивая свое исследование изучением семантико-синтаксических аспектов, автор справедливо отмечает во Введении (с. 9—11), что "наиболее плодотворным способом анализа системы (пассива. — Н.И.) является функциональная или надежная грамматика" (с. 10), поскольку набор семантических ролей, которые может выполнять синтаксический субъект пассивных предложений, шире, чем в других языках. Собственно, функциональный подход становится определяющим для всей монографии и обуславливает композиционную структуру основного раздела "Семантический анализ обско-угорских пассивных предложений" (с. 71—271), в котором пассивные предложения классифицируются в соответствии с семантической ролью субъекта. При этом автор не старается придерживаться только одной из многочисленных моделей надежной грамматики, но "просто приписывает элементам предложения те функции, которые они, очевидно, выполняют в данной ситуации" (с. 10). (Заметим в скобках, что таким образом набор попадающих во внимание исследователя семантических ролей оказывается несколько ограниченным, что, впрочем, естественно, поскольку семантическая структура предиката и его валентностные характеристики для обско-угорских языков остаются неизученными.) Раздел "Пассив: общая теория и классификация интранзитивных предложений" (с. 12—34) является принципиальным для всего исследования, так как в нем излагается понимание автором понятия пассива. Строгое определения этого понятия, однако, не дается [в целом пассив описывается как «различные типы "перевернутых" конструкций, в которых что-то происходит с логическим субъектом предложения, или те случаи, в которых грамматический субъект семантически отличен от Агента» (с. 12)], и это, с точки зрения рецензента, заставляет автора монографии уделять, возможно, излишне много внимания обсуждению содержания этой категории. Особый интерес у автора вызывают также так называемые "дитранзитивные глаголы" и правило *dative-movement*, т.е. продвижение косвенного объекта трехвалентных глаголов в позицию прямого объекта, поскольку такие конструкции широко распространены и в обско-угорских языках. Наиболее существенным моментом здесь оказывается отрицание иерархических отношений прямого и непрямого объектов (объекта-Пациента и

объекта-Реципиента), так как оба объекта одинаковым образом зависят от трехвалентного глагола: ни один из них не может быть опущен после применения правила *dative-movement*. В принципе в языках, имеющих это правило, возможны различные способы морфологического маркирования двух объектов дитранзитивных глаголов до и после его применения, в том числе имеются случаи их одинаковой морфологической оформленности. Однако если кросслингвистически идея непархичности прямого объекта и непрямого объекта, способного превратиться в позицию прямого объекта (что связано с его высоким рангом в иерархии одушевленности), представляется имеющей смысл, для каждого конкретного языка, и для обско-угорских в частности, эта проблема должна была бы рассматриваться особо и в несколько ином плане, а именно, в смысле легкости доступа того или иного актанга (Пациенса или Реципиента) к синтаксической позиции прямого объекта. По крайней мере в северохантыйском выбор прямого объекта зависит от "степени" топикализации актантов, причем при равных условиях позицию прямого объекта занимает Пациенс, и в этом смысле он имеет более высокий ранг, чем Реципиент. Обсуждение коммуникативных условий появления той или иной конструкции, впрочем, не входило в непосредственные задачи автора рецензируемой монографии, а на уровне морфосинтаксиса прямой и непрямой объекты дитранзитивных глаголов в обско-угорских языках действительно являются одинаково зависимыми от глагола.

Следует заметить, что монография У.-М. Кулонен в определенном отношении может быть названа своеобразной "энциклопедией обско-угорского пассива". Помимо собственно анализа языкового материала, в ней обобщены практически все сведения по данной теме: раздел "Предшествующие работы по обско-угорскому пассиву" (с. 35—43) посвящен истории вопроса и критическому анализу точек зрения предшественников; в разделе "Некоторые замечания о синтаксической структуре обско-угорских языков" (с. 44—50) обсуждаются проблемы порядка слов, падежной маркировки, глагольного согласования и кореференциального опущения элементов предложения, в разделе "Морфология пассива" (с. 51—64) рассматриваются морфологические средства выражения пассивной конструкции в сравнительной перспективе; раздел "Использованный языковой материал" (с. 65—70) содержит перечень и характеристику переработанных текстовых источ-

ников и статистические данные о частоте употребления пассивной конструкции в каждом из них. Всего анализировалось 3995 мансийских и 1595 хантыйских пассивных предложений (в основном из источников конца XIX—начала XX в.), что составило весьма солидную выборку.

Основной раздел посвящен семантико-синтаксическому анализу хантыйских и мансийских пассивных предложений, классифицируемых в зависимости от выполняемой субъектом семантической роли. Рассматривая вопрос о возможностях пассивизации различных глаголов, автор вполне обоснованно предлагает отказаться от традиционной опоры на понятия транзитивности/интранзитивности, поскольку в обско-угорских языках пассивизация подвергается и многие интранзитивные глаголы и синтаксическую позицию субъекта пассивных предложений может занимать актант, не обязательно выступающий как прямой объект в соответствующем активном предложении. Более важным, чем транзитивность, фактором здесь является семантика предиката и его актантов: субъектом пассивного предложения может выступать только такой актант, который "семантически тесно связан с предикатом" (с. 72) или, иначе говоря, входит в его аргументную структуру. Например, в позицию субъекта могут превращаться имеющие семантическую роль Локатива, Цели, Источника и др. актанты глаголов движения или глаголов типа "сидеть" (по крайней мере, в некоторых из их значений). Такой подход представляется чрезвычайно продуктивным уже потому, что он (хотя это и не эксплицируется автором рецензируемой монографии), по сути дела, впервые позволяет определить валентностную структуру предиката трансформационным путем: диагностическим тестом оказывается возможность пассивной трансформации. Как мы уже отмечали, вопрос о предикатно-аргументной структуре для обско-угорских языков практически никогда не ставился; автор впервые подошел к нему вплотную, и это очень серьезный, хотя, возможно, и побочный для основных целей исследования результат. Хотелось бы только заметить, что определение валентности могло бы быть более строгим, чем цитированное выше (а именно, опирающимся на понятие "ситуации" и ее участников, а также различающим понятия валентности семантической и синтаксической), что позволило бы установить валентностные классы глаголов и описать многочисленные случаи омонимии.

В соответствии с семантической ролью субъекта выделяется пять основных типов

пассивных предложений: 1) с субъектом-Пациентом; 2) с субъектом, выполняющим семантическую роль Локатива, Рецipienta или Benefактива; 3) с субъектом, имеющим семантическую роль Нейтрали; 4) более редкий тип, в котором субъект может выполнять окказиональные семантические роли Temporaля, Источника и др.; 5) наконец, имперсональный пассив. Различие между третьим и пятым типами достаточно важно и, кажется, впервые проводится на материале обско-угорских языков. Здесь следует пояснить, что под семантической ролью Нейтрали автор понимает субъект состояния, т.е. неконтролируемой ситуации с отсутствующим Агентивом, которая может быть как одноместной, так и двухместной (в последнем случае неконтролирующий субъект, влияющий на все партиципантов имеет семантическую роль Силы). Одушевленный субъект состояния обычно называется Экспериенциром; семантическая роль Нейтрали, согласно У.-М. Кулонен, не накладывает ограничения по ощущенности/неодушевленности. Третий тип пассивных предложений, таким образом, описывает ситуации, в которых принципиально не может быть Агентива, причем некоторые из таких пассивных предложений (в случае с так называемыми медиальными глаголами) не имеют активного прототипа, для других же правила пассивизации выглядит следующим образом:

(NP1[Fo][subj] —) NP2[Ne][obj] — V[act] —
NP2[Ne][subj] — V[pass]

В отличие от них пятый тип, т.е. имперсональный пассив, является трансформацией таких активных предложений, в которых ситуация контролируется Агентивом, но Агентив имеет признак [— определенный]:
NP1[Ag][indef] [subj] — (NP2[Pat][obj]) —
V[act] — (NP2[Pat][obj]) — V[pass], NP1 — Ø

Вышеизложенные типы пассивных предложений описываются по более или менее единой схеме. Для каждого типа перечисляются использующиеся в нем глаголы и указывается количество случаев их употребления; затем дается статистика встречаемости данного типа в основных мансийских и хантайских диалектах. В конце каждого подраздела приводятся выборочные примеры на соответствующее употребление так называемого статального пассива, морфологически отличающегося от обычного "динамического" пассива формой предиката (причастия). Некоторые подразделы содержат более дробную классификацию: так, для первого и второго типов отдельно рассматриваются предложения с поверхностно представленным агентом и без него анали-

зируются группы глаголов движения, фактивных и каузативных глаголов.

Отдельный раздел (с. 272—285) посвящен агенту пассивных предложений. Агент присутствует в 27% мансийских и в 43% хантайских примеров (следует иметь в виду, что в двух типах — при медиальных глаголах и имперсональном пассиве — поверхностный агент в принципе невозможен). Одушевленный агент обычно имеет роль Агентива, неодушевленный — Силы или Инструмента (редко Нейтрали). Наличие/отсутствие агента на поверхностном уровне, по мнению автора, связано с глагольной семантикой и описываемой предложением ситуацией: например, регулярнее всего агент присутствует в предложениях с субъектом-Локативом, поскольку в этом случае он необходим для придания предложению информационной достаточности. Особый случай представляет собой местоименный агент. Известно, что личное местоимение в роли агента пассивных предложений в обско-угорских языках встречается крайне редко, а в некоторых диалектах не употребляется вообще. Согласно автору рецензируемой монографии, обско-угорская языковая общность, с этой точки зрения, может быть разделена на три крупных ареала: 1) северохантайские и северомансиеские диалекты, в которых личные местоимения невозможны в роли агента (в северохантайском они вообще не имеют формы локативно-инструменталиса, обычно маркирующей агент пассивных предложений); 2) южномансиеские, восточномансиеские и южнохантайские диалекты, в которых местоименный агент возможен, но сравнительно редок; 3) наконец, восточнохантайский, в котором агент-личное местоимение представлено более или менее регулярно. По мнению автора, в последнем случае регулярность появления местоименного агента зависит от особой, отличной от других диалектов коммуникативной функции пассива: если обычно пассивизация связана с топикализацией вторичного актанта и/или фокусной ролью агента, в восточнохантайском агент пассивных предложений занимает позицию топика, типичную для личных местоимений. Это предположение, сформулированное, к сожалению, очень бегло, представляется довольно правдоподобным в той своей части, которая касается принципиально особой коммуникативной функции пассива в восточнохантайских диалектах. Правда, говорить здесь о топикализации агента пассивных предложений нам кажется преждевременным, пока не станет ясно коммуникативное различие (если такое существует)

между пассивом и эргативной конструкцией, имеющейся только в этих диалектах. Очевидно во всяком случае, что восточнохантыйский использует несколько особых морфосинтаксических механизмы для выражения коммуникативной структуры предложения по сравнению со всеми другими диалектами обско-угорских языков. В целом деление обско-угорской языковой общности на три крупных ареала в зависимости от синтаксической структуры, которое, насколько нам известно, еще никогда не проводилось, представляется едва ли не главным результатом рецензируемого исследования, хотя, кажется, критерий, положенный в основу этого деления (наличие/отсутствие местоименного агента в пассивных конструкциях) не является единственным (следует иметь в виду также наличие эргатива в восточнохантыйском, морфологически оформленного аккузатива существительных в южномансиjsких диалектах, различное поведение каузативных глаголов и, возможно, многое другое).

В Заключении (с. 286—302) автор пытается сформулировать некоторые общие положения относительно функции обско-угорского пассива и на с. 288 приводит перечень коммуникативных условий появления пассивной конструкции: для имперсонального пассива это неопределенность первичного актанта (Агентива, Нейтрали или Силы); для персонального пассива с поверхностью выраженным агентом — топикализация вторичного актанта и фокализация первичного актанта; для персонального пассива без агента — топикализация вторичного актанта и неопределенность первичного актанта. Кроме того, в восточнохантыйских диалектах пассивизация может быть связана не только и не столько с топикальной ролью вторичного актанта, но также с понятием "перспективы", функционально близким топикализации. Ситуация обычно рассматривается с перспективы участника, который обозначается элементом предложения, занимающим позицию субъекта. Правда, соотношение между понятиями "перспективы" и "топикализации" остается не вполне ясным, и, к сожалению, автор вообще употребляет довольно расплывчатые термины, связанные с коммуникативной структурой предложения (например, "более важная роль в ситуации", эмфаза, которая неожиданным образом оказывается связанный с референциальной определенностью, и др.). Ясно, однако, что речь должна идти о разных коммуникативных статусах, выражавших коммуникативные характеристики разного уровня, и именно их "разведение" может

быть наиболее полезным при анализе коммуникативной функции пассива. Это же касается и уже упоминавшегося вопроса о функциональном различии между пассивной и эргативной конструкциями в восточнохантыйских диалектах, который тоже обсуждается в Заключении. В конечном счете автор склоняется к выводу о том, что различие это минимально и, насколько можно судить, состоит лишь в степени "важности" для ситуации элемента предложения, имеющего семантическую роль Пациенса: в пассивной конструкции Пациенс подвергается топикализации, в эргативной Пациенс "искоторым образом более важен в предложении, хотя и не топикализируется" (с. 302). Конечно, это утверждение остается пока на уровне более или менее вероятной гипотезы, которую почти невозможно доказать или опровергнуть путем исключительно анализа текстов. Понятно, что у У.-М. Кулонен до сих пор практически не было возможности работать с хантыйскими и мансиjsкими информантами (и следовательно, не было возможности активно применять при анализе трансформационные критерии и создавать диагностические контексты); можно лишь пожелать автору, чтобы такая появившаяся возможность была плодотворно использована. Что же касается ответа на вопрос о "ядерной" аргументной структуре предложения, который автор считает основной задачей своей работы (с. 13), результаты здесь формулируются следующим образом. В обско-угорских языках способный к топикализации и, соответственно, продвижению в позицию субъекта актант входит в "ядро" предложения; ядерными семантическими ролями оказываются Агентив, Цель (Пациенс), Реципиент, Бенефактив, Локатив, Темпораль. Семантическая роль Инструмента не входит в число ядерных ролей, и это является нарушением известной иерархии семантических функций С. Дика, в которой Инструмент имеет более высокий ранг, чем Локатив и Темпораль.

Монографию У.-М. Кулонен отличает чрезвычайно скрупулезный, отчасти, может быть, даже несколько дидактический стиль изложения. Конечно, некоторые детали могут быть спорны, например, рецензенту трудно согласиться с утверждением об идентичности функций объектного спрямления в венгерском и обско-угорских языках, высказанным на с. 38 (думается, что это утверждение в значительной степени является данью традиции); нам также не кажется "случайным" (с. 296) отсутствие в хантыйском, в отличие от мансиjsкого, пассивизации каузативных глаголов, которые, во-

обще говоря, в хантыйском гораздо менее частотны и регулярны. Сомнительной или, по крайней мере, нуждающейся в дополнительной аргументации представляется интерпретация примеров на с. 244—245 как имеющих "диктумную" часть в позиции грамматического субъекта пассивной конструкции. (Имеются в виду следующие примеры: Ко ёj-mēi-tätnä ewa itta pitot tñ rëpätäppä ita meyta äla-xöta jäpäxitat. eñäpä ёj-mēi-tätnä eñi' xäi' "Idä. äpket xdeja jänxitat? «Затем девушка начала с ними жить [со стариком и старухой] Старуха куда-то ушла. Певушка спрашивает [старику]: "Отец, куда ушла мать?"» и Sav wödät iti-ikä rðx moftäta t'ë jëwot. ita xelä neq t'ë džätet. "näp xöpta wëjot neqet t'ëm?" и osäät iti-ikä rðxne ël'i' xäi' «Сын героя рыбной запруды пришел в гости. Он увидел жену бабушкиного внука. "Где ты взял свою жену?" — спросил он». По мнению автора адресат-Рецipient высказывания не может быть грамматическим субъектом, так как в первом случае он не назван в ближайшем левом контексте, а во втором примере в левом контексте он выступает в качестве посессора. Заметим, однако, что его ранг так или иначе выше ранга "диктумной части", поскольку он обладает признаком цапности.) Вряд ли следует рассматривать элементы *in the hospital* и *last week* в предложении *Bill died in the hospital/last week* как занимающие актантную позицию при глаголе (с. 74). Мы также не считаем целесообразным рассмотрение пассивных предложений с агентом-вопросительным и/или неопределенным местоимением в одном ряду с агентом-личным местоимением (с. 279 и сл.) только на основании их прономинального характера, поскольку здесь речь идет о совершенно разных семантических и pragmatische единицах, что, кстати, влияет и на их поведение в пассивных конструкциях. Однако количество неочевидностей в монографии удивительно мало.

и в целом убедительность и серьезность выводов в ней сочетаются с очень "интеллигентной" подачей материала.

Несомненно, книга У.-М. Кулонен является новаторской и, в определенном отношении, уникальной работой. На сегодняшний день она стала не только единственной монографией по обско-угорскому пассиву, но и фактически первой работой по восточным финно-угорским языкам, написанной на уровне современного синтаксиса. К сожалению, в финно-угроведении и — шире — в уралитике стало общим местом, что синтаксис представляет собой наименее разработанную область, само обращение к которой чрезвычайно сложно для исследователя. Синтаксических работ, во-первых, просто недостаточно в количественном отношении, во-вторых, имеющиеся работы, как правило, традиционно опираются на чисто морфологический подход к синтаксическим явлениям. По сути дела, нам неизвестно ни одной работы по синтаксису восточных финно-угорских языков, учитывающей новейшие публикации в области синтаксической теории и типологии (понятным образом, это не относится к исследованиям по финскому, венгерскому и эстонскому языкам). И наоборот: в современных работах по синтаксической типологии, круг исследования которой значительно расширился в последнее время за счет привлечения данных различных "экзотических" языков, восточные финно-угорские языки практически не представлены, и, в частности, обско-угорский пассив не учтен в гигантской "пассивологической" литературе. Не удивительно поэтому, что У.-М. Кулонен одной из своих задач считала включение обско-угорских данных в широкий типологический контекст, и, думается, что решить эту задачу ей блестящее удалось.

Николаева И.А.

Horecký J., Buzášiová K., Bosák J. a kolektív. Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. Bratislava: Veda vydavatel'stvo Slovenskej akadémie vid, 1989. 433 s.

В рецензируемой книге рассматриваются динамические тенденции в лексике современного словацкого языка. В ее создании принимал участие большой коллектив авторов, сформировавшийся на основе сектора литературного языка Института языкоznания имени Л. Штура. Исследование выполнено в рамках научной монографии,

оно базируется на единой исходной концепции, в выработке которой принимали участие такие ученые, как Я. Горецкий, К. Бузашюва и Я. Босак, известные своими работами широкому кругу языковедов. Указанное обстоятельство придает цельность труду в целом, хотя и не исключает авторского своеобразия при интерпретации тех или